

„Передъ восходомъ солнца“.

Драма Г. Гауптмана.

(Къ сегодняшнему спектаклю).

Драма разыгрывается въ Силезіи.

Въ землѣ маленькой деревушки Витцдорфа открыты богатые залежи угля; крестьяне сдали землю въ аренду акціонерной компаніи, компанія хорошо заплатила имъ—и вотъ начало драмы.

Невѣжественные, забитые трудомъ, мужики обезумѣли, получивъ массу денегъ. Они выстроили себѣ прекрасные дома, завели золотенную мебель, мраморныя ясли для своихъ коровъ и затѣмъ начали пьянствовать. Подъ ними, въ вѣдрахъ земли, день и ночь работали углекопы, а они день и ночь сидѣли въ кабакахъ, пропивая золото углекоповъ. Въ результатъ такого положенія дѣла уже слѣдующее поколѣніе крестьянъ было оцѣлошь поражено алкоголизмомъ. Гауптманъ рисуетъ одинъ изъ эпизодовъ этой тяжелой драмы—одну изъ семей алкоголиковъ. Вотъ крестьянинъ Краузе, вѣчно пьяный, развратный старикъ, пристающій даже къ своей дочери съ циничными предложеніями. Онъ совершенно спился и уже не замѣчаетъ, что его жена—сорокалѣтняя баба, глухая, жадная и злая—живетъ съ молодымъ сосѣдомъ по усадьбѣ, жирнымъ парнемъ, почти идиотомъ. Онъ не знаетъ, что его старшая дочь Магда пьетъ водку и что ея трехлѣтній сынъ погибъ тоже жертвой инстинктивного тяготѣнія къ алкоголю. Мужъ Магды, инженеръ Гофманъ—жалкій человѣчекъ, наживаетъ деньги на копейкахъ—гоже пьетъ и очень непрочъ взять въ любовницы сестру своей жены. Вторая дочь, Елена, чрезмерно впечатлительна для

крестьянки и слишкомъ плаксива для здоровой женщины. Мать хочетъ выдать ее замужъ за своего любовника. Около этой бабы вертится г-жа Шиллеръ, паравить въ юбки, противная, старая приживалка, готовая на все ради вкуснаго куса. Всѣ эти люди цѣлыми днями пьютъ, ѣдятъ, болтаютъ противный вздоръ, хвастаются своимъ богатствомъ и погибаютъ день за днемъ, разлагаясь, какъ гнилушки.

А вокругъ нихъ и подъ ними—въ землѣ—безъ отдыха неустанно работаютъ насквозь пропитанные угольной пылью, молчаливые, черные люди...

Первый актъ драмы Гауптмана начинается появленіемъ въ семьѣ Краузе Альфреда Лота. Лоть—университетскій товарищъ зятя Краузе, Гофмана, но университета не кончилъ, ибо юношей попалъ въ тюрьму, гдѣ провелъ два года и въ это время написалъ какое-то сочиненіе по политической экономіи. Въ Силезію онъ явился для изученія быта углекоповъ.

Его пріѣздъ дѣйствуетъ на гнилыхъ людей, какъ ядъ, какъ дневной свѣтъ на ночныхъ птицъ. Онъ ничего не пьетъ и уже одно это вызываетъ у пьяныхъ смущеніе предъ нимъ, раздраженіе противъ него и удивленіе Елены, привыкшей всѣхъ людей видѣть пьящими. Елена училась въ пансіонѣ. По ея словамъ, когда она кончила учиться, то почувствовала себя глупой—жизнь семьи ошеломила ее, какъ ударъ по головѣ, но все-же она читаетъ книги, искренно возмущается окружающею ее грубостью и грязью и возмущаетъ мамуку своимъ „образованіемъ“ и любовью къ чтенію „какихъ-то Шиллеровъ и Гетовъ“... Ее уже кто-то развратилъ; она говоритъ, что это—ея женихъ Калль, но, вѣроятно, она говоритъ это лишь потому, что ей стыдно на-

звать развратителемъ своего зятя или, можетъ быть, отца.

И вотъ эта дѣвушка вдругъ слышитъ длинную рѣчь Лота, рисующую ужасныя послѣдствія алкоголизма, а на свой вопросъ: „Что Ибсенъ и Золя—большіе поэты?“—получаетъ странный отвѣтъ: „Это вовсе не поэты, а необходимое зло, фрейлейнъ. Я здоровый человѣкъ и требую отъ поэзии свѣтлаго, освѣжающаго напитка. А Золя и Ибсенъ предлагаютъ лѣкарства“. Альфредъ Лоть—прямолинейнъ и, пожалуй, жестокъ въ своей прямолинейности. Говоритъ онъ много, ясно, убѣдительно и глубоко вѣрить въ правду своихъ словъ. Онъ—ригористъ спокойный, вѣрующій въ побѣду своихъ идеаловъ, сознающій себя силой.

— „Моя борьба,—говоритъ онъ,—борьба за всеобщее счастье. Чтобы мнѣ стать счастливымъ, необходимо, чтобы сначала всѣ люди были счастливы. Мнѣ для моего счастья необходимо не видѣть вокругъ себя ни болѣзней, ни бѣдности, ни подлости. Я могъ-бы сѣсть за столomъ только послѣднимъ“.

Слова—не новыя. Многіе люди говорятъ такъ, имѣя двадцать пять лѣтъ отъ роду; въ тридцать еам, обыкновенно, понижаютъ свои требованія, а въ сорокъ—смѣются, когда слышатъ ихъ. Но въ устахъ Лота эти слова имѣютъ особую цѣнность, особый вѣсъ,—они оплачены имъ: онъ заплатилъ за нихъ лишеніемъ свободы. На Елену, никогда не слышавшую такихъ словъ, они дѣйствуютъ чарующе, и Лоть сразу вырастаетъ предъ нею въ героя.

— „Какое счастье родиться такимъ!“—говоритъ она ему.

— „Такимъ никто не родится,—отвѣчаетъ Лоть.—Мнѣ кажется, такимъ дѣлаешься бла-

годари несообразности нашихъ отношеній"...
— „Что вы называете не сообразнымъ?“ спрашиваетъ Елена.

— „Несообразно, напримѣръ если работающій въ потѣ лица голодаетъ, а лѣнивый живетъ въ избыткѣ. Несообразно имѣть государственной религіей религію Христа, -религію терпѣнія, самопожертвованія и любви, и воспитывать народъ въ духѣ вороволитій, воспитывать для убійства такихъ же людей. И вѣдь это только единицы среди миллионѣвъ такихъ же несообразностей; пойти наперекоръ имъ не легко... Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ лучше“...

Елена—дѣвушка слабовольная; рѣчи Лота быть можетъ не касаются ея души, но влекутъ ее къ молодому человеку, возбуждаютъ въ ней любовь къ нему. Лоть, въ свою очередь, тоже увлеченъ ею, и съ каждой новой бесѣдой это увлеченіе растетъ въ немъ. Но онъ слишкомъ занятъ своей мечтой о счастіи всѣхъ людей, и не замѣчаетъ странной плаксивости этой дѣвушки, рокового признака ея дурной наслѣдственности. Гофманъ почти сразу чувствуетъ въ Лотѣ своего врага:

— „Въ высшей степени опасный мечтатель этотъ г. Лоть“,—говоритъ онъ Еленѣ, послѣ своей попытки уговорить ее жить съ нимъ, какъ съ мужемъ. Ему не пріятно присутствіе Лота въ домѣ, но, человѣкъ жалкій и трусливый,—онъ сначала не можетъ показать это бывшему товарищу, а когда, наконецъ, говорить,—такъ дѣлаетъ это дранно, грубо и даже не возмущаетъ Лота, а лишь вызываетъ въ немъ презрѣніе. Онъ боится Лота, боится его „ватѣи“ научить быть углекопомъ, тѣхъ людей, трудомъ которыхъ онъ, Гофманъ, живетъ. По мнѣнію Гофмана, углеконы живутъ „въ общемъ очень хорошо“. Во время разговора о намѣреніи Лота

заняться бытомъ углекоповъ Гофманъ, пользуясь присутствіемъ Елены, заговариваетъ съ Лотомъ о его отношеніяхъ къ дѣвушкѣ, съ которой Лоть былъ вѣкогда помолвленъ. Это нужно ему только для того, чтобы подорвать довѣріе Елены къ Лоту. Но онъ дурно рассчиталъ и не достигъ желаемого. Елена объясняется съ Лотомъ, который все еще не замѣчаетъ, что онъ живетъ среди людей отравленныхъ ядомъ, не способныхъ къ здоровой жизни и дѣятельности. Все идетъ хорошо между нимъ и дѣвушкой и такъ продолжается до пятого акта.

Въ пятомъ актѣ у жены Гофмана наступаютъ роды, на сцену является докторъ Тиммельфенигъ, старый товарищ Лота, и отерываетъ ему глаза. Онъ говоритъ Лоту, что „если для него важно прожвеси на свѣтъ родъ людей здоровыхъ тѣломъ и душой“, онъ не достигнетъ этого женитьбой на Еленѣ, рожденной алкоглагомъ, развращенной физически, слабой морально. Лоть—въ ужасѣ. Онъ любитъ Елену, да, но считаетъ преступнымъ жениться на больной и увеличивать количество больныхъ людей на землѣ, и безъ его помощи густо населенной ими.

— „Есть три выхода,—говоритъ онъ,—или я женюсь на ней и тогда...“

Тогда ему пришлось бы всю жизнь посвящать вновь съ больной женою и дѣтьми. Ему нужна жена здоровая, жена—товарищъ, способный рисковать всей личной жизнью ради осуществленія идеала. Онъ видитъ, что Елена не способна на это, и говоритъ:

— „Нѣтъ, этотъ выходъ невозможенъ. Или—пуля въ лобъ... Ну, тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ хоть покой. Но нѣтъ, такъ далеко мы еще не зашли... Это всегда

ушлется. И такъ—жить, бороться все дальше“...

Лоть произноситъ эти слова на обѣщаніе и клятву; онъ говоритъ просто, спокойно, только опредѣляя будущее.

Онъ уходитъ. Когда Елена узнаетъ это, она бросается въ свою комнату зарызывается. Ее не жалко, но бьетъ тотъ, кто долженъ погубить гибель жалость не предотвратитъ. Не можетъ жить для жизни, не нужно, и не итъ жалѣть о его смерти.

Драма, въ узкомъ смыслѣ словъ, развѣвается между Лотомъ и Еленой; остальные дѣйствующія лица пьесы просто поглоты отъ алкоголя, обжорства и разврата.

Но Гауптману на этотъ разъ удалось написать удивительно яркую картину эпизодическихъ лицъ, хотя обрисованы они гми рѣзкими чертами, но живы и интересны. Вообще, на нашъ взглядъ, это—лучшая пьеса Гауптмана, такъ часто лишняя изъясности и простоты и страдающая отъ недоговоренности.

Намъ удалось быть на репетиціи и познакомиться съ постановкой пьесы. Кантъ „Крамеръ“ и „Трехъ сестрахъ“, въ пьесѣ обстановочная часть вызываетъ чувство полного удовлетворенія. Сложная рація второго и четвертаго актовъ, представляющая дворъ фермы, прямо вальдина и дѣлаетъ честь вкусу и серьезности отношенію къ своимъ задачамъ гг. архитектора и декоратора. Не менѣе хороша декорация перваго, третьяго и пятого актовъ—внутренность дома богатаго крестьянина гдѣ грубая роскошь и отсутствіе вкуса создаютъ своеобразную иллюстрацію челоукопской глудости.